

When quoting site materials, we ask that you provide the link to the original source that owns the authorship (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) and the title of the project, "Ukrainian Jewish Repatriates in Israel: Jewish Identity in the Context of the Russian-Ukrainian war."

Each particular file should be quoted as follows: UJRI_Number_Informant's initials (e.g., UJRI_001_MG)
Thank you!

При цитировании материалов сайта просим указывать ссылку на источник правообладателя: (<https://nevzlincenter.huji.ac.il/ukrainian-jewish-refugees-israel>) и название проекта: «Еврейские репатрианты из Украины в Израиле: Еврейская идентичность в контексте войны России и Украины».

Ссылка на индивидуальные файлы: UJRI_Номер файла_Инициалы информанта (н-р., UJRI_001_MG)
Спасибо!

UJRI 040 OLS

Inf. 1: OC, F., b. 1970.

Inf. 2: LS, F., b. 1940.

Int.: AK

Pizgat-Zeev, March 7, 2023

1 hour 17 min.

Int.: А вот представьтесь, это для меня как бы...

Inf.1: Меня зовут И. Фамилия у меня украинская, Ч. Я приехала с дочкой и с мамой.

Вернее, мы с мамой приехали сюда разными путями, но целенаправленно, для того, чтобы встретиться тут. Значит, мы все из Киева, маме 82 года, дочке 15. В первые дни войны мы с дочкой уехали в западную Украину и были там месяц. Мы не собирались сразу ехать сюда. Потом эта идея возникла для мамы, потому что мама... сестра моя двоюродная живет здесь. Мама – вдова еврея, у нас папа еврей, мама украинка, причем из-под Москвы, там они жили...

Int.: Не Малаховка-Салтыковка?

Inf.1: Нет. Это прямо под Москвой, такой военный причем городок Красноармейск.

Int.: А, нет, это не то...

Inf.1: Да, это Мытищи, туда вот, в ту сторону...

Int.: Ну понятно.

Inf.1: Да, значит, я там всё детство провела со своими братьями и сёстрами, с которыми мы теперь больше не общаемся, ну, расскажу... Да. И вот, мы уехали в Западную Украину, потому что очень стреляли в Киеве, страшные звуки, невозможно выдержать. Ребенок это всё, не может находиться в таком состоянии. Мы уехали в Западную Украину. Значит, когда возникла идея для мамы как для вдовы еврея, чтобы ей можно было бы приехать сюда. И вот моя сестра Л., которая, собственно говоря, нас с вами и свела, да, это, наверное, какая-то знакомая вот... Вот она, значит, занялась ее сюда... Это было очень просто, потому что Сохнут вывозил всех. Он даже не спрашивал документы. Сохнут взял на себя... Ну не Сохнут, у нас это называется Джойнт или другие там организации, да, и вот, значит, они взяли на себя эвакуацию украинского гражданского населения...

Int.: Всего, евреев и неевреев?

Inf.1: Абсолютно, да. То есть ни помогали всем. Они очень много давали объявлений рекламных, в фейсбуке и везде, что вот мы вывозим всех. Ну, другое дело, что неевреи сюда попасть не могут, а вообще, вывезти из страны, они предоставляли очень комфортабельный транспорт, и, значит, вот на этих автобусах прекрасных они везли евреев... Это мама вот пришла моя. (...) Вот, мама, ты можешь к нам присоединиться, вернее, ты должна к нам присоединиться...

Int.: То есть можно предположить такую ситуацию, что абсолютный украинец, но пример, да? без всяких еврейских корней...

Inf.1: Да, да...

Int.: ...получает от Сохнута, или от Хэседа, или от Джойнта информацию...

Inf.1: Да, звонит по телефону... Я потом расскажу, как мы выезжали, по той же схеме. Мама, наверное, там это было в таком сумбуре... Значит, мы в Западной Украине с дочкой, мой муж в Киеве до сих пор, по сей день. Мама, значит, с моим мужем, значит, жили временно в одной квартире, потому что в первые там часы войны у нас, мы в Шевченковском районе, в центральном, у нас всё было очень громко, мы сели в машину и поехали к маме. А мама на левом берегу. Мы думали, что там будет тише. Значит, и вот мы там пробыли неделю. Потом нас муж запихнул в этот поезд эвакуационный с дочкой и с моей подругой.

Inf.2: Самое интересное, как запихивали. В России...

Inf.1: Это было да, это как...

Int.: Через в окно, это, как, вот, в фильмах?

Inf.1: Это было да, как в фильмах, как во время войны, да. Это абсолютно, это вот правда чистая, там эти люди стоят, толпа, никто не знает, когда будет поезд. Значит, потом объявляют, что вот такой поезд, и все подходят к этой платформе, значит, открывается дверь, и начинается штурм этих вагонов. Значит, люди ехали, мы ехали в Ивано-Франковск, люди ехали в тамбуре. И в тамбуре, и вот в этих коридорах, стоя, люди ехали, сколько? Мы долго ехали. Потому что с опущенными этим ставнями, или как это называется, чтобы нас не обстреляли, чтобы огня не было...

Int.: На всякий случай...

Inf.1: ...и медленно, где-то тормозили там... В общем, ехали очень долго, и люди всё это время... Значит, в купе нас было, наверно, человек... 4 внизу, 4 сверху, 4 внизу, 4 сверху, вот...

Int.: И ехали, значит, вот так битком...

Inf.1: Да, мы вот так битком-битком, и в это время наши друзья в Ивано-Франковске искали нам, где мы будем жить, это мы с дочкой и с моей подругой. Значит, вот они нам нашли, они нас встретили на вокзале, на вокзале мы еще пробыли часа три, потому что комендантский час же везде был.

Int.: Сразу ввели? С первых же дней, да, комендантский час?

Inf.1: Да, да. Конечно, да. Вот, и они, пока мы ехали, они нашли нам такую гостиничку в горах, отвезли нас туда, и мы там месяц, значит, вот были.

Int.: А правда говорили, вот про Львов слышала, что там резко подняли цены на жильё?

Inf.1: Да. правда. Ну, да-да. Ну не все, конечно, но люди разные есть. Да, да. Потому что многие мои друзья уехали во Львов. И, значит, одному там снимала его организация квартиру, он себя хорошо чувствовал, остальные, которые должны были снимать, во-первых, их было не найти, эти квартиры, а во-вторых подняли, да, было такое.

Int.: Это как-то комментировали, что, вот, как бы, непорядочно это?..

Inf.1: Да, конечно, конечно. Но это люди воспользовались ситуацией. Как, впрочем, и продавцы там всяких электрических товаров, позже уже, когда пошли бомбить инфраструктуру, подняли же сразу резко, это, ну, что ты сделаешь, все были к этому готовы.

Int.: А продукты скупались в магазинах?

Inf.1: В первый день мы пошли в аптеку, чтобы купить лекарства нужные. В первый день, в первый, самый первый, 24 февраля. Еще мы к маме даже не уехали. Потом мы пошли в магазин. Нет, чтобы там была какая-то давка, какие-то... все очень...

Int.: Драки, да?

Inf.1: Нет, нет. В Киеве ничего такого.

Int.: Мне рассказывали, что наоборот, люди очень начали как-то заботиться друг о друге...

Inf.1: Да, да, да.

Int.: Там, я не возьму все 10 коробок...

Inf.1: Да, очень всё было цивилизованно. Вообще, как у нас говорят, что Путин отец украинского национализма

Int.: (смеются) Вот это был мой вопрос...

Inf.1: Да, да, он очень сплотил нацию, конечно, за что ему где-то, косвенно, конечно... Ну, от потомков, наверно, от нас нет, спасибо ему сказать не можем. А от потомков, наверно, будет ему и спасибо.

Int.: Скажите, а вот до войны ещё вот носилось что-то в воздухе?

Inf.1: Да!

Int.: Ожидалось, что может что-то быть?

Inf.1: Конечно! С осени 22-го года бесконечно нагнетались эти слухи, и все в такой тревоге были, собирали эти чемоданчики. Мы ничего не собирали.

Int.: Тривожна вализка...

Inf.1: Да, тривожна вализка. Мы ничего не собирали, я была уверена... Я говорю: ну слушайте, ну как вы это представляете? Бомбы летят над Киевом?? Говорю, вы что, смеётесь, что ли? Ну, это была до такой степени... не вкладывалось в картину мира.

Int.: Угу. А кто-то поехал всё-таки? Ну, такой, наиболее... тревожный...

Inf.1: Эээ... нет... Так, чтобы прямо поехал... Ну какие-то вот, среди наших друзей какие-то такие вещи: ребёнка, сына взрослого отправили в Польшу на работу. Так совпало. Я не думаю, может быть, они имели в виду... Вернее как – может быть, мама вздохнула с облегчением, что, может быть, если что-то вдруг. Ну нет, так чтобы в моём окружении нет, никто никуда. Все были тревожные очень.

Int.: А вот на официальном уровне? Просто мне рассказывала женщина, она в Киеве работала в какой-то очень большой организации, и с января, во-первых, вневедомственную охрану вооружили, вот этих старичков, которые... мужчины сидят, просто им дали табельное оружие, и им всем сказали собирать эту вализку. То есть это было официальное как бы такое требование.

Inf.1: Ну, мы работаем, у нас своя компания с мужем, мы, у нас всё абсолютно крутится вокруг того, что он в этой ситуации понимает, я и ещё моя подруга, она тоже работает с нами. И ничего такого я не знаю. Ничего такого я не знаю. Конечно, новости, Зеленский, который наш президент, которого мы очень любим теперь. Мы против него голосовали, мы были крайне плохо настроены...

Int.: Да?

Inf.1: Да. Потом как он себя вёл во время этого всего, он просто покори́л сердца, наверно, всех украинцев.

Int.: А вот он про шашлыки говорил, что 9 мая...

Inf.1: Ну, да, тоже у него... Сейчас прекрасный вышел фильм. Значит, есть такой Дмитрий Комаров, который снимал про путешествия всегда.

Int.: Дмитрий Комаров?

Inf.1: Да. это фильм про войну, про первый год войны. Значит, и там очень много Зеленского в этом фильме. Зеленский – человек достаточно простой, он... Ну он же ж такой, простой нормальный парень.

Int.: Ага.

Inf.1: Он абсолютно нормально общается, он умеет это делать, он же актёр. Вот, там очень много Зеленского, он об этом очень хорошо говорит, почему так, как так получилось. Дмитрий Комаров, фильм, по-моему, называется «Рик». Рик – это год по-украински. Но я не помню точно, как он называется, хотя я могу вам сказать, мне его совершенно недавно прислал один наш друг, израильтянин.

Int.: А вот то, что он сам сказал в какой-то момент, месяца 2-3 назад, что он знал точно о вторжении, но нации не хотел...

Inf.1: Ну, вы знаете, это мы потом будем разбираться, это сейчас не очень актуально, мы не очень вникаем в это всё. И они говорили, там очень много было, что возмущало общественность, что они всё знали, но не могли допустить паники, и всё остальное, и это очень возмущает людей, потому что люди должны иметь право выбора. Кто-то хочет остаться, кто-то может спокойно уехать, а не так, как мы уезжали, например.

Int.: То есть какие-то претензии всё равно к нему есть, он не идеальный...

Inf.1: Ну, не с этим да. Я не думаю, что сейчас вовремя об этом говорить. Потом всё это, и какие-то там и злоупотребления в этих закупках для армии, всё там это есть, да, но это всё потом. Сейчас...

Int.: Вы не голосовали за него, да?

Inf.1: Мы были против, мы даже ссорились с ближайшими друзьями. Говорили: как это возможно у человека нету совершенно к этому способностей, у него совершенно другие... ну, другая профессия, другие взгляды на жизнь... В общем, мы прям ссорились с друзьями. Ну вот, а потом где-то через месяц уже признали, мы же там вот уехали в эту Западную Украину, мы жили этими новостями, то есть спать никто не спал, ничего никто не смотрел. Каждые две минуты эти тревоги. Муж остался там, и с мамой. Потому что мы в первые часы войны с дочкой, с мужем...

Int.: А, они оставались ещё...

Inf.1: ...да, уехали к маме на левый берег Киева. Значит, там тоже это было, вот эти тревоги, страшные взрывы. В общем, мы сели в поезд и уехали. Мама с мужем какое-то время... Мама не хотела никуда ехать, но тут моя сестра двоюродная Л. взялась за это дело. Значит, и вот, они ехали... Встречались возле киевской синагоги и ехали в автобусе, и таким образом... и таким образом мама попала в Молдавию.

Inf.2: Говорили: временно, временно, на недельку... Ну то есть не понравится – автобус ходит каждый день туда-сюда, возит киевлян, и можешь возвратиться. Ну, как раз через недельку всё и прекратилось, и я не могла возвратиться.

Int.: Перестали ходить, да?

Inf.2: Да, перестали ходить.

Inf.1: А там да... Да. Но даже дело не в этом, никто б тебя не пустил никуда возвращаться. Там долго ждала мама консульскую проверку предварительную. Вернее, нет, у тебя же была полностью, тебе сразу там дали, да, возможность получить гражданство. И в общем, она поехала сюда. В общем, она приехала сюда. Была прекрасная программа, гостиницы вот эти для репатриантов. Поселилась в Иерусалиме. А мы с дочкой, значит, вот сидим и думаем, что же нам делать...

Int.: В Ивано-Франковске сидите...

Inf.1: Да, под Ивано-Франковском в горах. В прекрасном отеле, конечно, он не радовал совершенно...

Inf.2: Ну, естественно...

Inf.1: И, значит, тут мы думаем: что же она здесь будет делать одна? У неё есть единственный выход, вот эти вот дома, которые...

Int.: Для престарелых. Бейт-авоты.

Inf.1: Бейт-авоты, да. И причём, в хороший же попасть – это трудно...

Int.: Есть хорошие, есть не очень, а есть совсем плохие.

Inf.1: Вот. В совсем плохой она попала, посмотрела, в Иерусалиме. Ну, в это время речь же не шла именно об Иерусалиме. Речь шла об Израиле. В общем, звонит сестра моя двоюродная, которая так рьяно всё это вот делала...

Int.: А сестра давно здесь живёт?

Inf.1: 15 лет. И говорит: а что вы себе, как вы себе вообще это представляете? Что здесь мама будет делать одна? И она меня, она меня таким образом, она всё время говорила: надо ехать, надо ехать, надо выезжать. Что вы там сидите, что вы там сидите... а... ну и мы так, ну мы сидим, у нас там работа, у нас там дом, у нас там папа, у нас там кошка, у нас там бизнес и все дела...

Int.: А мужчинам нельзя выезжать, уже есть запрет...

Inf.1: Давно, давно.

Int.: Его тоже быстро, да? ввели вот после начала войны?

Inf.1: Быстро, да.

Int.: И муж попадает, естественно...

Inf.1: Да, да. Вот. И она говорит: как вы себе это представляете, сейчас вот она, что она сама, она не может даже заниматься ничем, а я не могу, я в другом городе, и мне некогда. Я говорю: ну, В., ну давай, будем заявляться на эту поездку. Мы никогда не хотели репатриироваться в Израиль. Это честно...

Int.: Да. ну тогда следующий вопрос: вы не обсуждали возможность...?

Inf.1: Когда-то папа муж мамин, наш покойный папа, который 2 года назад умер, уже почти 3. Он, какие-то, все друзья уезжали, и он этот вопрос поднимал. В 70-х годах, когда первая волна была, потом в 90-х годах, когда вторая... в Киеве очень много евреев, он киевлянин коренной, у него куча друзей, и все уехали. Практически все.

Int.: А он послевоенный, да, уже был?

Inf.1: Нет, он военный. 39-го года.

Int.: А как он пережил вот оккупацию? В эвакуации был, да?

Inf.1: Он нет, он был под Васильковом.

Int.: Под Васильковом...

Inf.1: Да, он был не в Киеве. Поэтому его не коснулся Бабий Яр.

Int.: Да, я про Бабий Яр, конечно...

Inf.1: Да, он был просто под Васильковом.

Int.: А почему решили не ехать?

Inf.1: Ну, у мамы родственники в Москве, у нее была мама. Значит, у мамы семья, и 4 брата и она одна дочка. Бабушка, царство ей небесное, всегда страшно переживала, что именно мама живёт в Киеве, все возле неё, в Москве и под Москвой, а мама, значит, живёт в Киеве. Она говорила, что мне же всего важнее, чтоб мама рядом была. И она всё время меня, я маленькая была, я была её такая подруга, я говорю, давай, попроси родителей, чтобы они поменяли Киев, тогда были вот эти обмены ещё...

Int.: Были возможны

Inf.1: Были, да, в общем, спрос был большой. Вот... и в общем, мы с Вероникой, с дочкой...

Int.: То есть вы не обсуждали...

Inf.1: Нет, когда

Int.: ... ни в 90-х...

Inf.1: ...Мы не обсуждали. Папа закидывал такое. Хотя он тоже, у него была хорошая должность, хорошая работа, он там всю жизнь работал на одном заводе и вырос там до замдиректора большого мотоциклетного завода... В общем, ему это тоже всё было... И говорил он: ну давайте, может быть, вот люди едут и всё такое. Мама: нет, конечно, ну а мы, дети, что мы. Я и сестра..

Int.: А куда? Ну если ехать, если вы там серьёзнее обсуждали этот вопрос, куда бы вы поехали, в какую страну?

Inf.1: Ну нет, мы не обсуждали серьезно...

Inf.2: Тётя Шура здесь была...

Inf.1: Ну были, конечно, в еврейской семье какие-то родственники в Израиле, даже в те времена...

Int.: Ну, есть, Германия есть, Америка есть, Австралия, в конце концов...

Inf.1: Ну...

Inf.2: Там не было родственников, а здесь были.

Inf.1: Ну, даже нет, я не думаю, что были какие-то серьезные планы, если честно. Вот папа говорил: вот все едут, может быть, и нам. Это не было такой разговор, что давайте, девочки, садиться. Значит, у нас семья была – папа, мама, я и сестра, которая... уже, кстати, тыщу лет живет в Америке, она вышла замуж за американца...

Int.: А, ну просто вышла замуж...

Inf.1: Да, она просто вышла замуж за американца, и она там живет. И... В общем, вернёмся к событиям наших дней.

Int.: А можно я ещё спрошу... Сейчас вернёмся... А вот что-то еврейское в доме было? Ну, смешанная семья, я понимаю. А вот, ну, я не знаю, какие-то предметы, какие-то практики такие

Inf.1: Нет.

Inf.2: Ж. привозила всё... Устраивала...

Inf.1: У нас Ж., моя младшая сестра, она была в движении в еврейском с института, она кончила Соломонов университет. У папы, конечно, были всякие, папа из такой, из еврейской семьи, традиционной, у него были какие-то ... но нерелигиозные были его...

Int.: Нерелиги...

Inf.1: Нет, нет. Папа был, дедушка был военным, он дошёл до Берлина, потом его посадили в тюрьму, потому что он дошёл до Берлина, не дошёл, вернее, он там остался служить. А всех, кто был в плену, или там оставался, всех же сажали потом в тюрьму... Какие-то такие вещи... я даже не помню ничего такого. А вот Ж. наша, она прониклась этим еврейством...

Int.: Ну это уже новое поколение. А вот у папы какие-то словечки на идише?

Inf.2: Да, конечно! Да, да.

Int.: Говорил? А с кем он говорил на идише?

Inf.1: Он вставлял какие-то словечки. Бабушка, дедушка говорили на идише, он там, в семье что-то, словечки какие-то вставляли, и папа всегда в речь вставлял какие-то словечки. И с друзьями своими, евреями, которых было великое множество, одноклассники его даже, киевская школа, они были в основном евреи, он там потом с ними... Всегда они там что-то... нет, не так чтобы говорить свободно, но слов знал он много...

Int.: А вас не учил? Чему-то?

Inf.1: Ну, нет.

Inf.2: Так, отдельные слова

Inf.1: Нет, такого не было. Вот Ж., сестра моя младшая, она, наверное, такой... как это сказать... вот она решила на себя взять такую миссию – возродить еврейство в нашей семье. Она закончила Соломонов университет и была в движении в этом, еврейском...

Inf.2: Здесь жила полгода или год, она, её направили...

Int.: Молодёжной вот этой вот...

Inf.1: Да, здесь она тоже была, да, программа, потом она уехала в Америку, он же тоже был в этом движении, они таким образом и познакомились там, в Белоруссии где-то. И потом она всё время, она придерживается традиций. Вот мы здесь год, ещё нет года, она здесь у нас дважды была, и она нам каждую пятницу устраивала шаббат, они очень такие...

Inf.2: Мальчики поют на иврите, разговаривают...

Inf.1: Ходят в еврейскую школу, да, вот...

Int.: Там в Америке?

Inf.1: Да, там в Америке. Ходят в еврейскую школу, они да, учат иврит, и Ж. учит, берёт каждую неделю уроки. Так что Ж. у нас такой...

Int.: Но вы вряд ли представили себя там, 14 месяцев назад, там, год назад, что вы окажетесь вот здесь...

Inf.1: Ну мы взрослые люди, у нас налажена жизнь, да? какая-то там, мы чего-то там достигали и чего-то, как нам казалось, достигли, да? такого какого-то... ну всё абсолютно... Нет, мы не собирались, это правда. Можно было поправить, но это правда.

Int.: А вот ещё можно вопрос по поводу уже событий, да?

Inf.1: Угу.

Int.: Вот начинается война, вот как вам кажется, вот евреи чувствовали себя более уязвимыми или менее уязвимыми?

Inf.1: Абсолютно, мне кажется, что никак особенно они себя не чувствовали.

Inf.2: Не реагировали отдельно.

Inf.1: Нет.

Int.: Почему вопрос – потому что, вот на мой взгляд, ну это предположение, вот начинается война, да? У евреев есть коллективная память. О гонениях, о всяких дискриминациях, в конце концов, о Холокосте, то есть о той войне, да? то есть, может быть, ну это догадка, может быть, вот это как-то срабатывает? Да? Что вот опять, вот опять мы под ударом. С одной стороны. Значит, более уязвимы. А может быть, менее уязвимы, потому что есть Израиль, в общем, уже есть Израиль, и...

Inf.1: Нет, я не думаю, что как-то можно об этом сейчас говорить, может быть, если вы какие-то исследования такие проведёте, во многих таких.. да, во многих таких историях, что, может быть, какую-то такую закономерность можно...

Int.: Я сейчас всем задаю этот вопрос.

Inf.1: Ну, конечно, вот мой друг еврей чувствовал себя получше, потому что он мог отправить маму больную, вот это у него было. Наверное, все-таки евреи и в России, и в Украине, может быть, не с самых первых дней войны, но там где-то, когда уже было понятно, что это не кончится завтра, да, там... То, наверное, евреи чувствовали себя менее уязвимыми, потому что у них есть возможность, они не беженцы. Потому что у нас очень много моих подруг с детьми уехало в Европу, да? и в Канаду, за океан...

Int.: В Канаду, да?

Inf.1: Да. И в общем-то это тяжёлое очень испытание. Я могу вам сказать, что для нас это тяжёлое испытание, потому что это новая жизнь, это новые правила, совершенно незнакомые. Совершенно другой менталитет, вообще просто абсолютно другой! И всё по-другому! Это очень, это мегатяжело.

Int.: Но по крайней мере вы точно знали, что...

Inf.1: Но мы знаем, что мы граждане, да! И что мы им очень благодарны, этой стране, потому что это беспрецедентный, наверно, приём, да, вот такой радушный, такой... Люди – это просто фантастика! Слушайте, я никогда не думала, что у меня будет столько новых друзей...

Int.: В этом возрасте...

Inf.1: Да, и что это будет такая вот искренняя помощь, вот просто, люди фантастические! Вот совершенно фантастические. И я смотрю, я уже думала, кстати, об этом, я думаю, что такими их делает вот именно эта история многотысячных войн, да? потому что сейчас украинцы, они где-то вот очень похожи на евреев, по части оказания помощи друг другу. Наверное, война, любая, да? а евреи живут в вечной войне, наверное, она делает людей другими. У них другие ценности, другие какие-то желания помочь. Наверно, в этом что-то есть, я об этом уже думала.

Int.: Кто-то мне сказал в разговоре, что теперь у украинцев будет своя диаспора по всему миру.

Inf.1: Да, конечно, конечно. Конечно. Да, безусловно будет. Вот, значит, мы с дочкой решили выручать бабушку, садиться, значит... А, позвонили в Джойнт, и они говорят, что да, мы будем собирать автобусы. И мы... Нас не спросили ни наши фамилии, евреи мы или не евреи, какое право мы имеем...

Int.: Вы им позвонили?

Inf.1: Да, мы им позвонили и сказали, что мы бы хотели уехать. Они говорят, хорошо, мы, значит, будем вас информировать по мере... А мы же в маленьком посёлке в горном. Значит, мы говорим, что мы приедем там в Ивано-Франковск за 80 километров как-то. Они говорят: да, мы вам всё расскажем, всё расскажем. Я говорю: В., давай так. Вот если нас они, помогут нам выехать... потому что по-другому я не понимала, как это делать, то тогда вот едем. Нет, значит, будем бабушку возвращать обратно, что ж она здесь одна, Л. в другом городе...

Int.: А, то есть обратно в Украину...

Inf.1: Ну как-то что-то будем, я не знаю, куда, Ж. в Америку... Тогда ещё был вопрос, чтобы бабушку забрать в Америку...

Inf.2: Но у них есть правило: 3 месяца, и всё, после определённого возраста...

Inf.1: Нет, они принимали беженцев уже на тот момент, но что-то там не получилось.

Int.: И это какой уже месяц?

Inf.1: Это март. Мама уехала в марте. А мы сюда попали 5-го апреля. Прошлого года. И, значит, вот они нам звонят и говорят: вы знаете, мы за вами приедем. И они прямо прислали машину...

Int.: Вот за 80 километров... Ого...

Inf.1: За 80 километров. Машину. Значит, мы сели в эту машину. По дороге мы взяли в Ивано-Франковске, вернулись в Ивано-Франковск и поехали в Гайсин под Винницу.

Int.: Знаю Гайсин, хорошо.

Inf.1: Взял, значит, ещё одного дедушку, и вот эта машина нас втроём, совершенно комфортабельным образом довезла до Гайсина. Там нам предложили ночлег в гостинице, и, естественно, еду. Всё бесплатно совершенно...

Int.: Ну это кошерное там что-то было?

Inf.1: Нет-нет-нет, это светская гостиница! Просто... Да-да-да.

Int.: Хотя это делал Джойнт?

Inf.1: Да.

Int.: Но всё равно это было...

Inf.1: Да, это светская гостиница. Что нашли, это же такие... там была, как выяснилось утром, когда мы садились уже в автобус, который вёз нас в тот же Кишинёв, значит, утром было много людей достаточно, то есть приехало из разных мест Украины, они туда свезли людей. Значит, потом приехал прекрасный автобус мерседес и повёз нас в Кишинёв. Значит, вот приехали мы в Кишинёв, там нас встретила еврейская община. Значит, разместили нас, и там же, прямо в этом... это какой-то... что-то связанное со спортом, какой-то дом такой был, где огромный спортзал, где они оборудовали ночлег. Вот они очень молодцы большие, потому что людей было очень много. И там же они, туда привезли консулов, ну помощников консулов, естественно, с которыми мы проходили предварительную проверку. Значит, и он нам дал предварительное разрешение. Мы вообще не знали, что это, предварительное разрешение, оно давало нам уже право репатриироваться. И мы прилетели, причем прилетели в Бен-Гурион, и там тоже была вот эта вот... всех нас проводили группой, которой мы сюда прилетели, то есть мы не проходили вот эти все таможенные процедуры, пограничные, таможенные поодиночке, всё очень упрощённо, много солдат, но они помощь, они записывали наши данные через компьютеры, тут, значит, была вот эта служба, тут вот эта служба, и служба расселения, значит, куда нас ...

Int.: Бен-Гурион, уже была эта служба...

Inf.1: Да, да, да, всё организовано просто на высочайшем уровне. Ой... это потрясающе, нас даже не спросили, когда забирали из этого маленького посёлка, кто мы, куда мы, евреи ли, имеем ли мы какое-то отношение к этому...

Int.: Ну вот я слышала страшные истории о том, что действительно, в суматохе не понимали, кого куда сажают, и вот летит борт уже к Бен-Гуриону, и вопрос: есть ли на борту граждане Израиля? Ответ: нету. Самолёт разворачивается и улетает. Вот я слышала такую историю.

Inf.1: Ой, нет... Я такого... Мы не были ещё гражданами. Мы прилетели...

Int.: Ну, имеется в виду что потенциальные граждане, те кто имеет право на репатриацию.

Inf.1: Нет-нет-нет, я так думаю, что на тот момент Израиль принимал. Он как бы официально не объявлял о своей позиции, но беженцев он принимал. Ненадолго, может быть, с каким-то минимальным пакетом помощи, но все, кто сюда прилетел с нами вместе, там было полно неевреев.

Int.: А, кстати, вот такой вопрос: а вот кем вы себя чувствуете? Беженцами или репатриантами?

Inf.1: Нет, конечно, репатриантами. Мы принимаем... Единственно что, у нас большое сомнение, сможем ли мы реализоваться здесь. Дочка очень довольна. Значит, первое время

она говорила: мама, ты понимаешь, это до такой степени не моё всё. Это совершенно другой город... Это... Ну это действительно... Это совершенно другой мир!

Int.: Конечно

Inf.1: Вот совершенно просто. И вот даже вот наощупь это... это всё другое. Она говорит: мама, это... Я говорю: ну смотри, надо же находить какие-то красивые вещи, это вот здесь вот, вот так это тут... А она говорит: я понимаю, я не отрицаю. Но это всё не моё. Это всё вот просто не моё, я хочу в Киев, свой Киев, это же так прекрасно... И вот она так, какое-то время. В апреле мы приехали... Потом, значит, со школой. Она в Киеве занималась в дистанционной школе.

Int.: Из-за ковида, да?

Inf.1: Нет, это такой формат обучения. Это люди выбирают такой формат обучения. Значит вот просто это удобно, она, значит, вот у неё есть там предметы, у неё есть свой кабинет на сайте этой школы, это прекрасная школа, и очень многие выбирают...

Int.: Дом...

Inf.1: Да. И она занимается дома. Причём она свободна, она может сегодня сделать 8 математик, завтра не делать ничего, а послезавтра сделать физику. Ну вот как-то так это всё. Ну это так, дедлайн...

Int.: Уровень самоорганизации...

Inf.1: Ну, я много, я очень много узнала по геометрии (смеются). Да. Какие-то предметы мы делали вместе, потому что хорошие очень объяснения, видеоролики, тексты там, примеры, но иногда всё равно нужно было вникать. Нам очень нравилось. И здесь мы хотели продолжить. Они сказали, что здесь так нельзя, здесь надо обязательно идти в школу, все дети, которые живут в Израиле и являются гражданам Израиля, они под покровительством государства в этом вопросе, то есть они все должны быть. И вот она пошла в эту школу. Школа очень далеко, ехать ей полтора часа.

Int.: Ой. А нельзя было ближе найти, что ли?

Inf.1: Это школа для репатриантов.

Int.: А! Там специальные школы...

Inf.1: Нет, это не школа для репатриантов, там сделали класс для репатриантов, и все, кто приехал с территории нашего бывшего нашего Советского Союза, там, Россия, Украина, Казахстан, откуда-то ещё люди, Белоруссия, они объединены... Приехало очень много детей её возраста. Они объединены в один класс. И у них первый год преподавание на русском языке и очень много иврита. Почему её взяли, она закончила в Украине 7 классов, её взяли в 9-й сразу. Потому что, ну, там другая математика, там украинское образование, оно такое, более...

Int.: Ну, да. На постсоветском пространстве...

Inf.1: Да, более такое, до сих пор она, вот год уже практически прошёл, я не вижу, чтоб она делала домашние задания, она выезжает, по-моему...

Int.: Ну это тоже немножко опасно, она может расслабиться, если так всё легко даётся...

Inf.1: Да. Ну я так поняла, что здесь и не будет такой математики, к какой мы привыкли. А потом она пошла в школу, и вот так вот с боем пошли, потому что вот, ну, не разрешили нам не ходить в школу, нам же дали, ну, она гражданка Израиля, она должна ходить в израильскую школу.

Int.: То есть она не могла в той школе продолжать?

Inf.1: Нет, не разрешили... И... всё поменялось. Я так понимаю, что теперь уже не хочет домой.

Int.: Здесь молодёжная культура, конечно...

Inf.1: Друзья, да! И формат, да, интересный формат вообще этой школы. Ну как-то так, и всё ей очень нравится, она туда рвётся.

Int.: А с ивритом как?

Inf.1: Хорошо, ну она такая способная девочка, такая разумница. Она, у неё такие, хорошие тесты, на сто из ста...

Int.: И там есть евреи, которые сейчас приехали из России тоже?

Inf.1: Да.

Int.: У них как складываются отношения? Между украинскими и...

Inf.1: У детей прекрасно.

Int.: Нету там...

Inf.1: Нету. Я вам больше скажу тоже, что я за год пребывания тут, я не видела, лично я не разговаривала ни с одним человеком, который в этом бы вопросе поддерживал Россию. Причём я разговариваю как с выходцами из Украины, так и с выходцами из России. Причём вот эти все люди, они и свежеприехавшие, и те, которые, да, живут здесь 30 лет, то есть 30 лет, бабушки какие-то, которые приехали сюда уже в зрелом возрасте, которые в преклонном находятся сейчас, они в состоянии понять, что это такое. То есть ни не зомбированы вот этим российским телевидением, хотя я так понимаю, что они на нём просто живут.

Int.: Очень многие смотрят, продолжают смотреть все эти каналы.

Inf.1: Да, но я не видела пока поддержки. Один раз слышала в городе какую-то женщину, которая объясняла своей спутнице, что украинцы забыли свою историю, поэтому они сейчас за неё расплачиваются... В общем, какой-то бред, вот за год я впервые слышала, другие все люди, в том числе пожилые, выходцы там из Петербурга, откуда-то ещё, они все поддерживают, конечно, Украину.

Int.: Угу. Хотя я слышала одну такую фразу от людей как раз из Киева, переехавших сюда лет, наверно, тоже 30 назад с большой алиёй. Мы ходили на какую-то экскурсию, остановились, и да, это ужасно-ужасно-ужасно, это как раз в апреле прошлого года была, кошмар, бедная Украина... потом пауза... Но как они нас гнали, гнобили!.. Имеется в виду...

Inf.1: Я поняла.

Int.: Антисемитизм на Украине. Типа тоже не нужно об этом забывать. Было так вот, от них...

Inf.1: Ну, вы знаете, сейчас я с таким интересом общаюсь с людьми, которые уехали 30 лет назад, значит, с большим интересом, потому что они уехали из совершенно другой страны.

Int.: Конечно.

Inf.1: У них осталось представление, что они ехали во что-то гораздо более благополучное. Да? то есть они до сих пор считают, что Израиль – это что-то гораздо более благополучное. Что на всём постсоветском пространстве страшный антисемитизм. Значит, вот у них остались такие закоренелые...

Int.: То есть советские...

Inf.1: Особенно люди, которые после этого, да, после этого не выезжали. Вот они уехали, они совершенно с другими представлениями. Всё уже совершенно не так, значит, антисемитизм в 70-е, вот папа мой не поступил куда он захотел поступить, да, это всё было, конечно. Значит, помню в 70-е годы, когда я училась в школе, когда там какие-то маленькие были, какие-то там тоже словечки проскакивали, но ...

Int.: По отношению к вам что-то было?

Inf.1: По отношению ко мне нет, но у меня, видите, такая, несемитская внешность, и как-то так...

Int.: И фамилия украинская...

Inf.1: Нет, Стельмах – это папина фамилия, но она да...

Int.: Стельмах – это же профессия...

Inf.1: Да, это стельмашник, который колёса, да, профессиональная ярко выраженная фамилия, не ярко выраженная внешность, я к себе такого не испытывала, но мои одноклассники, которые были с такими, другими данными в этом вопросе, они да, я помню такое в школе, что-то такое незначительное, уже не так, как ... А потом всё. Вот когда я поступила в институт, это 87-й год, я ни разу не слышала ничего такого, хотя недавно, значит,

я слышала, я случайно... я пришла в банк, как, совсем я была свежая, я ничего ещё не знала, ничего не понимала, я пришла в банк и попала к русскоязычной девушке. Я смотрю, у неё какое-то такое лицо знакомое смутно. Я говорю: Киев? Она говорит, Киев. Я говорю: Институт народного хозяйства? Она говорит: да. (смеются) Так вот мы с ней здесь встретились! Нет, нет, она была на пару лет старше, но я вот помню лицо. Факультет потому что один, и одна кафедра, и мы там...

Int.: Да, ну, мир маленький. Тем более, Израиль маленький.

Inf.1: Вот, поэтому вот так вот.

Int.: Вообще, есть такое мнение, достаточно распространённое, что исторически уровень антисемитизма в Украине всегда был выше, чем, скажем, в той же России.

Inf.1: Я не знаю такого, мне кажется, что сейчас такого нет даже приблизительно.

Int.: Ну исторически почему? Потому что в общем черта-то оседлости там же...

Inf.1: Ну да, да, да.

Int.: В России-то очень мало было евреев.

Inf.1: Я никогда не занималась изучением этого вопроса. Наверное, так оно и было, но я хочу сказать о современной Украине, это абсолютно не так. То есть сейчас нет такого, нет...

Int.: Ну вот я понимаю, что вот у вашей сестры появились новые возможности в 90-х годах. Уже вот когда пришли все эти вот организации...

Inf.1: Да-да-да.

Int.: А вообще изменилась еврейская жизнь по сравнению вот с поздним советским периодом? И уже постсоветским, с независимым

Inf.1: Вы имеете в виду еврейские всякие движения?

Int.: Движения какие-то, возможности, там, организации того-сего, изучения того-сего.

Inf.1: Ну конечно, куча еврейских школ. Ну вот мои новые подруги, которые здесь, с которыми мы здесь ходили в ульпан, с которыми мы теперь дружим, и они очень там много времени отдавали, ходили в синагогу каждую неделю, этого уж конечно не было в 70-х, 80-х и в более ранних годах. Сейчас это всё доступно, то есть если человек выбирает свою принадлежность к какой-то культуре, он может её реализовать, будь то там еврейская культура и любая другая. В больших городах, да и в маленьких городах...

Int.: То есть реально как-то это поменялось...

Inf.1: Ну, да. Я всегда так была настроена в этом отношении, что ну, люди не должны быть привязаны к национальностям. Люди мира, это всё. Я такой человек космополитичный вообще во взглядах. Но я теперь понимаю, когда я уже здесь, да, я понимаю, почему этот народ сохранился, почему это история многих веков пощадила этот народ благословенный, я это теперь понимаю. Вот. И как-то, знаете, всё-таки генетика, она же работает, когда-то какая-то музыка еврейская, она задевает. Да, что-то такое вот есть. Не более того, потому что я никогда не входила ни в какое движение. Такое вот... Мне казалось, что люди должны быть... Современный человек... Я сейчас спорю со своим одним пожилым товарищем, я говорю: мне странно, что эээ... Вот всё-таки религия – это очень такая косная вещь, да? То есть она не может в таком же виде существовать там, сейчас и 5 тысяч лет тому назад. В этом есть что-то...

Int.: Кто-то считает по-другому...

Inf.1: Да. а он говорит: ты понимаешь, только благодаря этому, значит, сохраняется какой-то дух народа. Ну в общем, это всё, это вопрос позиции.

Int.: Да. С другой стороны, ведь Израиль, всё-таки, это же по крови, да? всё-таки, да?

Inf.1: Да.

Int.: Тут есть некоторое противоречие с тем, что вы говорите. Всем бы хотелось быть, чтобы все были гражданами мира... как раз Израиль-то в этом смысле он очень...

Inf.1: Нет-нет, я же не про это, я просто про свои взгляды на мир, на людей, а не про то, что мы здесь оказались, и что я бы хотела, здесь чтобы люди по-другому к этому относились. Я очень ... У меня вообще такое правило, если ты куда-то приходишь с какими-

то порядками, то нужно с большим уважением к ним относиться. И ни в коем случае, это прекрасная страна, прекрасные люди, и у неё замечательное будущее.

Int.: А здесь вам удалось уже кем-то познакомиться, ну, более-менее близко из местных, вот именно не из русскоязычных?

Inf.1: Ну у нас пока нет такого достаточного иврита, чтобы... Чтобы уже говорить с людьми, которые... Ну и точек соприкосновения, соответственно.

Int.: А в синагогу вы здесь пробовали ходить?

Inf.1: Нет.

Int.: Нет, да?

Inf.1: Нет.

Int.: А вот, говоря о дискриминации всё-таки. Понятно, что одно дело, что человек хочет, чтоб все были, так сказать, свободны, и сам он тоже, с другой стороны, есть какие-то правила государственные, такие-сякие...

Inf.1: Угу...

Int.: Вот, это из российской, конечно, пропаганды, по поводу дискриминации русскоязычного населения в Украине, особенно после того как был принят закон о национальном языке...

Inf.1: Боже, какой бред! Это большего бреда я не слышала в своей жизни. Киев никогда не говорил на украинском языке. Киев, столица. И президент наш не говорил на украинском языке. И люди в нём не говорили на украинском языке. Киев – это русскоязычный город, такой же как Харьков, Одесса, весь восток и всё остальное. Значит, никакой дискриминации. Вот Западная Украина – она всегда старалась соблюдать чистоту языка, но сколько раз мы там были за всю свою жизнь, да? говоря по-русски, мы никогда в жизни не сталкивались, да, в жизни своей. Люди, очень часто можно встретить такой диалог, что кто-то говорит на русском, а тот человек на украинском, они друг друга понимают, и ни в коем случае не предъявляют никому никаких претензий. Западная Украина, у нас друзей куча из Западной Украины, у нас общение так происходило. Они нам что-то на очень красивом украинском языке с венгерскими словами, мы им на русском языке, мы прекрасно друг друга понимали, и никогда никто не говорил: давайте как-то будем...

Int.: А в официальных ситуациях? Скажем, делопроизводство...

Inf.1: А делопроизводство – есть государственный язык, его приняли украинским, это нормально, это Украина, да. Это всё равно что в Израиле сделать делопроизводство на английском языке. Такое же никто не рассматривает, правда? Хотя очень удобно...

Int.: То есть никогда ничего не ощущалось?

Inf.1: Никогда в жизни. В жизни не было. Но всегда говорили, что вот на Западе, на Западе, но вот там люди, видите, если бы вся Украина так относилась к языку и своей культуре, вот эта ситуация, которая сейчас возникла, её бы просто не было. Потому что вот, это, наверное, эта идентичность такая национальная, да? для того чтобы сохранить свою страну, она нужна! Если там люди это знали и сохранили язык, культуру, там праздники вот эти все, вот такие вот вещи, как здесь в Израиле это этническое население, то, наверное, вот этого всего бы не было просто.

Int.: То есть разница между Западом и Востоком всегда чувствовалась, да?

Inf.1: Да. Но это была не конфликтная разница. Это просто разница, вот там такая культура, здесь такая, они совершенно существовали вместе.

Int.: То есть не было единой украинской культуры, она была в многообразии...

Inf.1: Она была в многообразии, причём в таком, дружественном многообразии к друг другу. То есть никакого ущемления русскоязычного населения, это самый большой бред, который можно себе представить. Причём, я работала в большой компании, у меня была куча филиалов – во Львове, в Харькове, в Полтаве. Я везде там была, и они собирались у нас. И я могу точно сказать, что это нонсенс, такого не было.

Int.: А вот когда 14-й год, да? когда оттяпали Крым и Донбасс с Луганском.

Inf.1: Ну, да.

Int.: Донбасскую... Ну, Донецк, короче, с Луганском. Вот, вот Крым и эти вот восточные части. Какое было ваше отношение к этому?

Inf.1: Вы знаете, было очень тревожно, бы очень страшно. Все прекрасно понимали, что это надуманный повод. Потому что, ну... Что значит... Даже если бы это было так, хотя мы понимали, что это было не так, вот Донецк захотел стать частью России, например, да? вернее, Донецкая область. Даже если бы это было так, как вы себе это представляете? В той же России, пришла там Ростовская область и сказала: мы хотим быть частью Украины. То есть это какой-то бред полный какой-то. Это всё надумано, это спровоцировано, это взрощено Россией. Очень было тревожно и страшно. Вот эти мои новые подружки, которые здесь вот у меня уже, они выезжали оттуда тогда. Вот в этом же кошмаре, с трупами на улицах города, и всё такое, когда там были военные действия.

Int.: Ну Коломойский, говорят, им помогал очень. Ну евреям, по крайней мере. И Ринат Ахметов. Ну он всем помогал.

Inf.1: Да. Поэтому они уехали, они жили в Киеве последние 8 лет. Но всё равно, было такое очень неправильное ощущение, что там где-то война, там какой-то очаг напряжённости, а мы себе здесь в Киеве, себе спокойно живём и работаем. Это тоже большая ошибка украинского народа, то есть нельзя было так вот...

Int.: отпускать...

Inf.1: Да, вот это в таком состоянии отпускать.

Int.: А вот то, что Крым сдали совсем без... фактически без единого выстрела, вот что, ваше какое было отношение к этому?

Inf.2: Ну как-то оно... не афишировалось, или тихонечко это проходило. Во всяком случае, власти это не нагнетали. Ну, сдали и... Ну тогда, может быть, наши президенты, как Порошенко, такой, они были немножко настроены... Не знаю, я в политике тут не очень, но... ну я думаю, что у них какой-то вт сговор вначале был.

Int.: Договорняк...

Inf.2: Да, да. Поэтому это и произошло спокойно и легко.

Int.: Многие сейчас говорят, что если бы Путин тогда начал наступление, там, на Киев, там, он взял тогда... Не было армии...

Inf.2: Да, конечно, это правильно. А так...

Int.: А вот скажите, вот то что Зеленский еврей, это для вас как-то важно?

Inf.2: Совершенно.

Int.: Ну это скорее хорошо или скорее плохо?

Inf.2: Ну... Мы не воспитаны так, чтобы разъединять нации. В там одном пространстве все, поэтому со своей стороны я не понимаю. Мне кажется, что всё это очень даже хорошо. Конечно, есть такие украинцы, которые закорузлые (так!), может быть, они имели что-то в виду почему еврей, и у власти. Но поскольку они уже привыкли к нему как к актёру, как умничке, как интересному, они его уважали и воспринимали правильно, и поэтому здесь они как-то... А Зеленский такой, он мягкий. Он прошёл благодаря своему обаянию, и не имея опыта, ничего, но раз народ его выбрал, он пошёл себе... Вначале все как-то не успели осознать, а потом постепенно-постепенно пришли к тому, что он молодец. У него такой характер общения хороший со всеми... Он умеет договариваться, умеет ставить вопросы и требовать. Поэтому он подошёл...

Int.: Ещё говорили, что он как бы ставленник Коломойского... Что вот этот Квартал 95, собственно, был сделан в медийном пространстве, да? в телевизоре, чтобы народ, ну, наглядел, ну, себе Зеленского, чтобы он примелькался, да? Чтобы потом, то есть это было сделано заранее, с далеко идущими намерениями, потом выдвинуть его в президенты. Такое я слышала

Inf.2: Я точно не могу сказать. Это молодёжь, у меня была своя программа. У меня муж лежал 15 лет в постели, поэтому я возле и рядом, и ни в каких этих не участвовала дискуссиях. К нам мало ходили, кроме соседей, в гости, потому что условия болезни такие, что...

Int.: Вот, кстати, такой немножко личный вопрос. А не были против его или ваши родители, когда вы поженились?

Inf.2: Нет, нет. Он такой общительный, такой мудрый, умный. Он всех покорял, как Зеленский. Он играл на гита... на этом, на аккордеоне, на пианино, ещё на чём-то. Везде в компании он свой человек. Он хорошо... как... ориентирован в обществе, он всегда любимец компании, он знал, о чём говорить...

Int.: Душа компании.

Inf.2: Да, душа компании. Вот, слово...

Int.: То есть в том поколении, в вашем поколении смешанные браки – это совершенно спокойно...

Inf.2: Абсолютно, абсолютно. Никто не обсуждал, никто даже не спрашивал. И мои родители, хороший юноша, как это можно его осудить за то, что он другой национальности, если здесь все смешанные.

Int.: Ну понятно.

Inf.2: Так что...

Int.: А вы родились в Киеве, да?

Inf.2: Нет. Я родилась проездом (смеются). Мои родители уехали от... ну, им как-то сообщили, что вот нужно уходить из Киевской области. Там где-то, бабушки-дедушки у нас уже отсутствовали, были родители, они уехали к Москве, потому что надвигалась... ну, уже слышали о том, что будет война. Ну, и там больше защиты. И они взяли, мама была беременна, и был старший мой брат у неё, и они уехали, и пока добирались, хотели до Москвы, где-то в пути, в Саратове родили, там нас война и застала,

Int.: То есть вы 41-го года, да?

Inf.2: 40-го. Там нас война, в общем, застала, и мы потом постепенно, потихонечку перебрались в Подмосковье. Знаете, собралась какая-то диаспора украинцев там, в Подмосковье. У нас были все свои. Они, ну такой... в смысле, семей там, наверно, 15-20, свой такой райончик построили. И так, всё было нормально, никто никаких претензий, что мы вот хохлы – нас не дразнили так.

Int.: Не дразнили?

Inf.2: Нет.

Int.: То есть у вас какой-то опыт перемещения, внутренней миграции?

Inf.2: Да.

Int.: То есть у вас сейчас за пределы государства, да? А когда-то вот у ваших родителей было перемещение такое...

Inf.2: Да. И они хорошо себя чувствовали, все были как-то дружным сообществом.

Int.: А вот, раз Подмосковье, вы, наверно, слышали такие названия – Малаховка, Салтыковка?

Inf.2: Ну они немножко да...

Int.: Ну слышали такие?

Inf.2: Да, да.

Int.: Там просто получилось приблизительно то же самое, вот что вы описываете, только не с украинцами, а с евреями. Там они тоже поселились...

Inf.2: Своим этим...

Int.: ...еврейские посёлки, да, начиная с 20-х, с 30-х годов. То же самое. То есть многие стремились...

Inf.2: Да, свои, не общество, свои территории.

Int.: Ну анклавчики там...

Inf.2: Да, небольшие такие.

Int.: Это очень интересно, что как бы многие национальности стекались к большому городу, получается...

Inf.2: Да, потому что там защиты больше и возможностей больше, потому что нужно было выжить как-то после войны.

Int.: То есть не хотели возвращаться ваши обратно?

Inf.2: Нет, нет. Родственники там, ну далёкие там, тёти, дяди мамыны, потом я уже в гости ездила, когда уже взрослая была, сюда.

Int.: А вас Хэсед или ну какая-то еврейская организация как-то окормляли вот, когда там вы ещё жили? Ну, что-нибудь, я не знаю, там, посылки, я не знаю...

Inf.2: Ну мы числились в Хэседе, потому что, да, муж был... Мы ходили с мужем, пока он ещё не слёг, у него была онкология, мы после операции так... Хэсед... Нас даже пригласили, его сестра, ну, в смысле еврейка, она там уже была в этом Хэседе, и они говорят: ну почему вы его не приобщаете? И мы с ним ходили на эти воскресные праздничные там, всякие...

Int.: Ну праздники, да?

Inf.2: Ну праздники, да, обеды там устраивали. А потом они, когда муж уже получил инвалидность, когда у него была после операции онкологической, они ему дали, приставили даже... как это называется...

Int.: Соцработника.

Inf.2: Да, соцработника, который приходил и помогал там что-то. Не знаю, раз в год какие-то выплаты были. Небольшие, но были. Так что помощь была всегда, можно было попросить что-то по медицинским показате... условиям... и они нам...

Int.: А ваш муж считался вот выжившим в Холокост? Выжившим?

Inf.2: Да, считался. У меня даже есть документ, но я, наверно, сейчас его не найду. Бумага, они запрос делали в московскую... как это называется...

Int.: Архив?

Inf.2: Архив московский. И им прислали, что они на этот период вынуждены были бежать, и в каком городе они проживали...

Int.: А вот по поводу немножко всё-таки истории. Вот в последние годы в Украине вообще и в Западной Украине в частности начались вот эти... ну, героизация как бы, ну, там, Степана Бендеры, Романа Шухевича, вот эти вот украинские националисты, да? У Бендеры одного, по-моему, 2 или 3 мемориальных дома, ну вот он стал таким героем. Ну вот, а какое ваше отношение к этой фигуре? Бендера, Шухевич, ОУН, УПА, вот эти...

Inf.2: Мы в стороне от этого были, потому что много было проблем семейных вот таких. Болели родители мужа, болел сам потом муж, и нам было не до...

Int.: И он как-то тоже никак не отреагировал ни разу вот а такие?..

Inf.2: Нет, он в общем, он как украинец обычный среди всех, никаких не было у него как бы отдельно мнений, чтобы он высказывал. У нас не было на эту тему никогда разговоров.

Int.: Угу... А как вам кажется, собственно, в чём, если так сформулировать в пунктах – один, два, три, в чём причина этой войны? Можно ли было её предотвратить? И кто в ней виноват как бы? Вот такой комплекс вопросов.

Inf.2: Причина? Я даже не знаю, как сказать... Я думаю, что просто жадность, зависть Путина или я не знаю как... Ну, или он обижен тем, что Украина отдельно отсоединилась, прекрасно развивается, никаких нет, ну... как бы...

Int.: Независимой стала от России.

Inf.2: Да. Стала независимой. У них, а он же из КГБ этого вышел, и он очень настроен на такую, агрессивную, как это... линию, всех объединить. Ну что значит, всех объединить, как раньше было? Объединить, это значит насильственным путём, так же люди не пойдут просто объединяться. И у него это зрело, наверно, давно, далеко, и он как-то внедрял это среди своей компании этой...

Int.: То есть он первый, главный виновник, да?

Inf.1: Конечно, конечно. Его и как-то, мне кажется, настраивали, я не знаю, кто настраивал, но мне кажется, это и влияние было, чтобы вот такой лидер один взял и в свои руки всё и объединил...

Int.: То есть как бы возврат к советскому проекту, да?

Inf.2: Да. А он, да, он же учился в КГБ и в Германии работал разведчиком, и был и тайным... Так что...

Int.: Просто сейчас многие говорят, что есть понятие коллективной вины, что все, кто живёт в России, неважно, они могут быть евреями, таджиками... кто угодно... неважно кто, в общем, все граждане России коллективно несут ответственность и виноваты, да? в том что произошло. Вот как вы относитесь к этому?

Inf.2: Знаете, если судить по своим родственникам и знакомым, которые живут в Подмоскowie, там остались, они настолько запуганные, они боялись даже в первое время звонить по телефону, потому что их запугали, если будут какие-то связи, есть проверки... В общем они позвонили и сказали, что мы сейчас прерываем вот эти отношения, вы на нас не обижайтесь, потому что у нас семьи, и мы не хотим, чтобы дети ...

Inf.1: Мама, ты всё неправду говоришь.

Int.: (смеётся)

Inf.2: А?

Inf.1: Ты говоришь неправду.

Inf.2: В смысле того что они позвонили...

Inf.1: Они не звонили.

Int.: НЕ звонили?

Inf.2: У неё своё, у меня своё. Я знаю, я их уважаю, ценю...

Inf.1: Тебе кто-то звонил?

Inf.2: Донечка!...

Inf.1: Я спрашиваю, я задаю тебе прямой вопрос: тебе кто-то звонил?

Inf.2: Ну перед этим, когда всё это начиналось...

Inf.1: Тебе никто не звонил!

Inf.2: Ну я с ними постоянно разговаривала. И я знаю их отношение...

Inf.1: ...и они тебе сказали (говорят одновременно, неразб.)

Inf.2: Ну так чисто – нет, не сказали...

Inf.1: В общем, с ними – я больше их знать не хочу. Потому что мой двоюродный брат, с которым я выросла, начинает нести вот эту пропутинскую пургу, при том, что тут бомбят эти города... Как они говорили: мы вас так любим, мы вас так любим. Всю жизнь они нам это говорили. Они даже не позвонили не спросили, как у нас дела. Никто! Оттуда, из огромной семьи. С которыми мы поддерживали отношения всё время. Мама, ей это неприятно...

Inf.2: Это мои родные, я на них не обижаюсь...

Inf.1: Только не надо выдумывать! Можешь на них не обижаться, это твоя личная позиция. Что они позвонили и что-то сказали – этого не-бы-ло!

Inf.2: Ну... Такое. Я-таки считаю, что они о нас думают, волнуются, но сделать хоть что-то не могут. Если вся Россия не может, то здесь...

Int.: А почему Россия не может? Почему вот Украина вышла на Майдан там, например, и там ещё какие-то... Белорусы выходили, да, помните? А Россия не выходит. Как вам кажется?

Inf.2: Ну, Россия тоже вначале, до этого всего, все выходили. И что? Лидера посадили в тюрьму, и все испугались за свою жизнь.

Int.: Ну, да, Болотная, Навальный, вы имеете в виду, да?

Inf.2: Да. Страх. Тем более, диаспоры тоже там считаются, в России украинская диаспора.

Int.: Да, да-да.

Inf.2: Небольшая в Подмоскowie.

Int.: Ну не только в Подмоскowie, я думаю, что украинцы-то вообще по всей России живут.

Inf.2: Ну, кусочками такими, да, мы с теми не общались, а просто сами себе. Поэтому куда бы мы вышли?.. Пусть Ирочка не обижается, но я на них никогда бы не... Потому что они живут в таких условиях, что возмущаться нельзя.

Int.: Ну а как вы думаете, предчувствие у вас есть, как это и когда всё это кончится?

Inf.2: Ну оно же не может продолжаться постоянно и... Обязательно закончится. Но когда... Ну вот, может быть, назревает у каждого в душе какой-то потенциал, и люди начинают объединяться, и... произойдёт какое-то возмущение.

Int.: В России?

Inf.2: В России, обязательно. Сплотятся люди. Просто сейчас у них страх, боятся, потому что жестокие наказания за такие... отклонения.

Int.: То есть, и с этого начнётся финальный этап...

Inf.2: Да.

Int.: То есть именно не на поле боя, да? решится исход этой ситуации, а вот когда россияне поднимутся.

Inf.2: Мне кажется, и там, и здесь. Поле боя уже возмущается. Они почему возмущаются? Они же своих детей отправляют и получают оттуда гробы. И всё больше и больше, и больше возмущение. И больше круг расширяется, и в конце концов это взорвётся когда-то. Но когда-то, ведь нам хотелось бы, чтоб раньше эта реакция была, а у них свои страхи. Поэтому семьи, дети, все живут по своим средствам небольшим, поэтому боятся потерять и это...

Int.: Ну а в Украине, я понимаю, что ситуация другая, но ведь там тоже очень много гибнет молодых ребят и просто мужчин и женщин... А вот помните, когда в России объявили мобилизацию эту частичную в сентябре, там что-то 700 тысяч или 800 тысяч убежало из страны. Люди бежали через Грузию, через Монголию... А вот какого-то такого дезертирства в Украине вы не слышали? Что тоже пытались увильнуть, убежать, чтоб не идти на фронт?

Inf.2: Нет, я ... Ну это Ирочка, она где-то, а я в своём закрытом пространстве, и общения у меня нет такого, чтобы да...

Int.: Ну телевизор смотрели всё-таки. Не было вот что-то о дезертирстве мужчин там?

Inf.2: Такие вопросы – нет, не знаю.

Int.: Просто я подумала, что в Украине действительно могло обсуждаться открыто, да? Поскольку сейчас коррупция открыто обсуждается, да? какие-то негативные вещи...

Inf.2: Ну, я в политике так... я за 80, поэтому мне не очень... Девочки разбираются. А я уже так, как приложение, поскольку с памятью уже не так хорошо, чтобы...

Int.: А вот западная помощь военная, да? и танки, и всё, как вам кажется, эта помощь была достаточной вот всё это время? Или вот нужно было бы больше.

Inf.2: Мне кажется, они тормозят немножко, потому что их тоже обвиняют, если вы даёте оружие, значит, вы участники войны. Ну вот они тормозят, а потом такими вот... на них надо вот такой, вот Зеленский нажимает на них. Ну, если Байден приехал в Киев...

Int.: Да-да-да!..

Inf.2: ...общаться с Зеленским, это ж тоже событие, которое говорит о том, что, на чьей стороне.

Int.: А вы с кем-нибудь из Киева сейчас общаетесь? По телефону там...

Inf.1: Только по телефону.

Inf.2: Обычно родственница у нас, сестра мужа. Она болеет. Она ногу сломала. Вообще ей 87 лет или 88.

Int.: Сестра вашего мужа?

Inf.2: Да. Она одинокая, у неё не было семьи. Она, там Хэсед ей помогает, он выделяет ей человека, два даже человека, сейчас когда она сломала ногу и прикована к постели, так два человека. Ей ежемесячные идут... как, эти... начисления помощи, и даже, я слышала, Германия раз в год делает какую-то выплату.

Int.: Да, да. это ее тоже...

Inf.2: Благодаря чему она может себе позволить там кого-то попросить, привлечь, заплатить, чтобы ей помогли, поухаживали за ней. В таком возрасте одной совершенно, одной быть без родственников очень... Так, а мы перезваниваемся часто, и здесь её племянница живёт. Она её сюда привозила, но не захотела оставаться. А потом, она сейчас её зовёт, говорит, я могу организовать такой самолёт, который перевозит и лежачих и больных. Ну она побывала здесь, пожила три месяца. Ну там, может быть, условия, маленькая квартирка, и там не было... там три человека, она четвёртая, в этой маленькой квартире, и со своей старостью, знаете, как оно в старости... Хотя её сестра жила здесь. Она тоже умерла, и моего мужа сестра. Поэтому она, они все вместе здесь были, она могла бы, она с ней общалась и могла бы как-то... Её переманить могли зачем-то или как-то, заинтересовать. Потому что невозможно быть, там невозможно ей помочь, потому что на расстоянии, только через знакомых... Так вот, эта племянница, которая здесь живёт, она через знакомых, она каждый день ей звонит и через знакомых просит: подойдите, помогите это сделать, помогите там врача вызвать, или отвезти её к врачу, если нет скорой помощи. Сейчас сложно там со скорой помощью. Так что... Но она, всё имея, все вот эти отрицательные стороны, она всё равно сюда не хочет.

Int.: Она еврейка, да?

Inf.1: Еврейка, да. Чистая. Может быть, она не хочет, чтобы она была кому-то нагрузкой, в тягость там... Ну, во всяком случае...

Int.: Не, ну, каждый человек, понятно...

Inf.2: Да, да.

Int.: И она вам рассказывает, да? что там происходит...

Inf.2: Нет, она же лежачая. Она только что слышит по телевизору или... И она вообще мало интересуется этими вопросами.

Int.: А у вас какие источники вот информации или что вы смотрите, кого?

Inf.2: Ну смотрю ютуб, там всякие политические...

Int.: А кто вот вам нравится больше всего из аналитиков, комментаторов, там журналистов?

Inf.2: Я даже не могу сказать, мне... я не очень...

Int.: Вот Гордон есть, например...

Inf.2: Ну, хороший, умный. Смелый. Ничего не боится, да. Что ещё...

Int.: Дудь? Дудь, фамилия Дудь.

Inf.2: Дудь? Ну тоже такой, хороший. Мудренький. Да. Даже не знаю. Я их так, не очень оцениваю. Я смотрю эту передачу. Ну, с Гордоном чаще встречаемся, потому что он много интересного рассказывает, и рассказывает правду такую, и не боится, и...

Int.: А вот есть ещё много людей из России. Например, там и евреи есть, и неевреи, например, Виктор Шендерович, Евгения Альбац.

Inf.2: Я их не знаю совершенно.

Int.: Владимир Пастухов. Ничего вам не говорят эти фамилии? Они просто все на ютубе, аналитики.

Inf.2: Нет, я их не слушаю.

Int.: А каналы какие вот вы смотрите? Может, украинские какие-то?

Inf.2: Каналы какие-то я тоже по ютубу, если что-нибудь интересное. А так отдельно каналы я не включаю.

Int.: Там какой-то есть украинский, ОА-как-то канал, я не помню, называется... Нет, да?...

Inf.2: Нет. Мне достаточно. Пока я здесь помогу что-то сделать, пока в магазин, пока что, остаётся у меня, мне нужно отдохнуть, мне нужно полежать, привести себя в тонус, потому что кости уже... чувствуется... Поэтому я не очень лезу в эту сферу, потому что и память плохая, и с кем-то общаться я не могу, обсуждать. Детки заняты, и внуки, поэтому я на своей волне, на своём канале. И стараюсь не вникать так глубоко, потому что я не разбираюсь в этих...

Int.: Но всё-таки, как бы вот чисто интуитивно, как вам кажется, сколько это ещё продлится всё?

Inf.2: Ну, продлится, наверное, ещё и до конца года даже будет. Потому что они, если ничего не изменится в их внутренних кругах. Если не придёт к власти кто-то более сильный, более мудрый и объединяющий всех. Если не будет Путина... То он пытается организовать всё и послать сюда, я знаю, ракеты или ну какую-то провокацию сделать. Поэтому готовым надо быть и до конца года абсолютно даже не шевелиться. Вот я могла бы, например, мне казалось, так поехать домой, потому что закрыли на ключ, и не знаешь, как там и что... Так даже мечтать об этом нельзя. Потому что в любое время может произойти, он собирает опять силы, войска...

Int.: А как вам кажется, может дойти до применения ядерного оружия?

Inf.2: Мне кажется, не должно, потому что... не будет... Потому что это не только он сделает для нас, уничтожит, он же и туда пойдёт всё, и там его окружение тоже же не хочет, чтобы эта радиация, вся жизнь, вся земля, вся превратилась в кошмар. Поэтому или они его сдерживают, многие говорят, что уже просрочены эти кнопки, уже наживай – не нажимай, они уже вышли из срока годности, и не будет это по этой причине...

Int.: А есть такое, я не слышала, просроченные кнопки (смеётся).

Inf.2: Слышала я, по ютубу слышала, да.

Int.: Кнопки?

Inf.2: То есть это оружие уже устарело. И эти кнопки – не сами кнопки, а просрочено оружие. Поэтому эти кнопки уже не действуют. Они не поднимут вверх, не будет такого. Потому что весь мир сейчас меняется, и слишком много против него, сейчас он в таком состоянии самоопасности или боязни или чего... Я не думаю, что...

Int.: Сейчас же идёт речь о том, что Украина будет наступать, отвоёвывать Крым обратно.

Inf.2: Мне кажется, это попозже будет. Даже не в этом году, потому что у нас ещё нет столько... Ну, оружие-то будет. Но если он не соберёт всех абсолютно, начиная от Сибири и с помощью, там, Китая или... войска, то ... Если он не соберёт, то мы, может быть, постепенно, такими какими-то другими путями... Но воевать сейчас, я не знаю, каково есть...

Int.: А вот когда кончится война, вы хотите обратно поехать? Или здесь...

Inf.2: Я ведь не завишу от себя, запишу от деток, которые, если у них всё сложится и они смогут семьёй объединиться и будет работа нормальная, то... Там ещё не очень скоро всё это придет в порядок, и поэтому будет очень сложно тоже и с работой. Вот восстанавливать ещё несколько лет город. Так что такой мечты... пока отложено это всё. Даже мечты нет.

Int.: Ну вот, скажем, год-два, война заканчивается, как вы думаете, возможно ли когда-нибудь восстановление нормальных отношений между россиянами и украинцами?

Inf.2: Люди должны быть мудрее, должны быть мудрыми и прощать. И если народу, народ вот не восстал, и мы обижаемся на него, я думаю, восстановятся, они с годами всё равно восстановятся с самим народом. Ну а с правительством, оно же будет меняться не один раз, так что...

Int.: А судьба вот русского языка, русской литературы в Украине?

Inf.2: Ну я не знаю, тут никаких запретов никогда я не слышала. И, пожалуйста, мы все, я украинский не знаю, как положено

Int.: И потом, памятники Пушкина снимают, Булгакова...

Inf.2: Какое-то болезненное такое, это ошибки правителей. С небольшими этими отклонениями. Как можно было памятники народные, и что они, им помешали, чем... Это просто себя чтобы чем-то... возвысить, я не знаю или. Больше нечем, наверно, если так поступать...

Int.: На Андреевском спуске Булгакова же убрали...

Inf.2: Да. да. Это временное такое явление. Оно всё придёт в порядок, и мне кажется даже, восстановят многие памятники. Потому что память ещё наших поколений этих ещё очень такая, сплочённая.

Int.: А, кстати, поколение ваших детей, они же учили, украинская литература у них была в школах?

Inf.2: Украинская, конечно, была. Я как-то не очень о них... Они мудрые девочки,

Int.: И. хорошо говорит по-украински?

Inf.2: Да, очень. И муж говорит, и внучка хорошо.

Int.: Ну внучка – это вообще другое поколение совсем.

Inf.2: Ну, они всё равно, они вот разговаривают между собой, чтобы не потерять...

Int.: Они между собой по-украински дома говорят?

Inf.2: И с папой, да. Нет, здесь по-всякому. Когда с папой, то по-украински. Я слышу по телефону всё время, он по-украински. Тут они молодцы, да.

Int.: А папа там?

Inf.2: Да. Там мама, во-первых, с сердечным клапаном.

Int.: Его мама?

Inf.2: Да, на его попечении. Так что он не может, во-первых. Во-вторых, не выпустят.

Int.: Он русский, да? или украинец?

Inf.2: Украинец.

Int.: Да, тяжело, конечно, так жить. Ну теперь И. могла бы, наверное, с израильским паспортом слетать туда?

Inf.2: А как, это же окольными путями добираться.

Int.: Через Польшу, по-моему. Через Польшу.

Inf.2: Это долго, и пока оставить дочку здесь, школьницу. У них сейчас заканчивается школа так это, не очень просто. Ну, по видеосвязи они видятся, по телефону разговаривают каждый день по несколько раз, так что терпимо.

Int.: А вот вы себя кем ощущаете? Ну вот ваши представления о себе? Вы киевлянка, да? Вы украинка? Вы израильтянка? У вас как-то много таких получается...

Inf.2: Я себя ощущаю просто многонациональным человеком. У меня совершенно не... ну как сказать, особенного отношения. Я и украинка, прожила в России несколько лет, и...

Int.: Русскоговорящая, но украинка.

Inf.2: Да, на Украине, поэтому меня никто никогда... Поэтому я не понимаю вот этого...

Int.: Ну вы себя израильтянкой себя чувствуете немножко?

Inf.2: Ну... как-то начинается это всё... всасываться, впитываться только начинает.

Int.: А какие-то праздники вы уже здесь справляли? Вы же застали уже какое-то количество общенациональных...

Inf.2: Я нет, потому что... может быть, девочки там ходили куда-то, у них своя компания, они справляют, ходят. А я как бабушка, тут у меня...

Int.: Ну вот Песах был, да? Вот сейчас идёт Пурим... Знаете, какой сейчас праздник?

Inf.2: Да...

Int.: Надо много-много вина выпить, вчера и сегодня

Inf.2: Ну, мы уже в таком возрасте когда нам нельзя вообще никакого вина, потому ходить на праздники (смеётся)

Int.: То есть вы как-то здесь внутри города никуда не ходили, ни в каких местных мероприятиях не участвовали, да?

Inf.2: И куда мне в 83 года идти?

Int.: Ну что? мало ли тут, что-нибудь...

Inf.2: Если никого не знаешь.

Int.: А, кстати, здесь кто-нибудь ещё живёт? Вот здесь в Пизгат-Зееве или может быть в округе, и тоже с Украины приехавших? В последнее время?

Inf.2: С Украины нет, с Дальнего Востока живёт одна семья, с которой мы общаемся, её тоже зовут Л., так что ну она со своими дочерьми, ну с семьёй, с дочерьми здесь, и вот мы с ними общаемся. Как-то нас познакомили, и они нам помогали во многом. Вначале особенно. Там, что-то привезти, какую-то мебель, что-то узнали, где кто отдаёт, где кто продаёт, где кто... Так что... У нас такие семьи, даже внизу в нашем доме, на первых этажах тоже же есть семья русскоязычных, ну давно живут. Они тоже такое участие принимают и помогают нам, в таких, житейских вопросах. А так чтобы в компаниях...

Int.: Нет, да?...

Inf.2: Нет. Мы как... Когда Ж., младшая дочь, приезжала в отпуск сюда летом, то мы к этим друзьям русскоязычным из Сибири ходили на шашлыки. На балконе. Шашлык на балконе (смеются). Он на первом этаже, такой, интересный. А так...

Int.: Спасибо вам большое, не буду вас больше мучить...

Inf.1: А., спасибо, извините, что мы такие...

Int.: Нет-нет, всё понятно, у вас свои дела...

[конец записи]